

2. Джон Локк. «Опыт о веротерпимости»

Главная причина, из-за которой вопрос о свободе совести, вот уже несколько лет вызывающий среди нас многочисленные толки, становится всё запутанней, из-за которой не стихают споры и усиливается вражда, состоит, как мне кажется, в том, что обе стороны: одна, проповедующая полную покорность, другая, отстаивающая всеобщую свободу в делах совести, - одинаково горячо и ошибочно предъявляют слишком большие требования, но не определяют того, что имеет право на свободу, и не указывают границ произвола и покорности.

Ведь если бы люди могли мирно и тихо жить вместе, не объединяясь под властью определённых законов и не образуя государства, то не было бы никакой необходимости ни в правителях, ни в политике, которые созданы лишь для того, чтобы в этом мире охранять одних людей от обмана и насилия других...

Приняв за посылку, что правитель должен предпринимать действия или вмешиваться во что-либо только ради обеспечения гражданского мира и охранения собственности своих подданных, давайте в дальнейшем рассмотрим мнения и поступки (action) людей, которые по отношению к терпимости разделяются на три разновидности.

Во-первых, все такие мнения и поступки, которые сами по себе не касаются государства и общества; а таковыми являются все практические мнения и поступки по отношению к безразличным вещам.

Во-вторых, такие, которые по своей собственной природе не хороши и не плохи, но касаются общества и отношений людей друг с другом; а таковыми являются все практические мнения и поступки по отношению к безразличным вещам;

В-третьих, такие, которые касаются общества, но в то же время по своей природе хороши или плохи; таковыми являются нравственные добродетели и пороки.

I. Я утверждаю, что только первая разновидность, а именно спекулятивные мнения и вера в бога, имеет абсолютное и всеобъемлющее право на терпимость.

... справедливое притязание на неограниченную терпимость имеют место, время и способ моего поклонения богу, потому что сие происходит всецело между господом и мной и, принадлежа попечению вечности, выходит за пределы досягаемости и воздействия политики и правительства, которые существуют только ради моего благополучия в этом мире: ибо правитель – это лишь посредник между человеком и человеком; он может отстоять меня от ближнего, но не может защитить от бога. Сколько бы зля я ни терпел, повинуюсь правителю в других делах, он может возместить причинённое мне зло на этом свете; но, приневолив меня следовать чужой вере, он не способен возполнить мне ущерба в мире ином... Разумно ли, чтобы тот, кто не может принудить меня купить дом, заставлял бы меня на свой лад стараться о приобретении царства небесного; чтобы тот, кто по праву не может предписать мне правил сохранения здоровья, навязывал мне способы спасения души; чтобы тот, кто не может выбрать для меня жены, выбирал веру... Соблюдаю ли я пятницу с магометанином, субботу с иудеем, воскресенье с христианином, молюсь ли я по форме или нет, поклоняюсь ли я богу, участвуя в разнообразных и пышных церемониях католиков или соблюдая более скромные обряды кальвинистов, - во всех этих поступках, когда они совершаются искренне и по совести, я не усматриваю ничего, что само по себе может сделать меня худшим подданным моего государя или худшим ближним моему собрату-подданному, если только из гордыни или тщеславного упоения собственным мнением и тайной убеждённости в собственной непогрешимости, я, присвоив себе нечто сродни божественной власти, не стану приневоливать других думать заодно со мной или же порицать либо злословить их, если они не подчинятся. Такое в самом деле случается часто; но это вина не веры, а людей, не следствие той или иной формы

вероисповедания, а результат развращённой, честолюбивой человеческой природы...

Из этих посылок, как я полагаю, следует, что каждый человек имеет полную и неограниченную свободу мнений и вероисповедания, которой он может невозбранно пользоваться без приказа — или вопреки приказу — правителя, не зная за собой вины или греха, но всегда при условии, что делает это чистосердечно и по совести перед богом, сколько позволяют его знания и убеждения. Однако если к тому, что он называет совестью, примешивается сколько-нибудь честолюбия, гордыни, мстительности, партийных интересов или чего-либо подобного, то соразмерно сему будет и его вина, и в такой мере он ответит в судный день.

II. Я утверждаю, что все практические начала, или мнения, с помощью которых люди считают себя обязанными упорядочивать отношения друг с другом, такие, как, например, что они могут рожать детей или распоряжаться имуществом по своему усмотрению, что они могут работать или отдыхать, когда найдут нужным, что полигамия или развод законны или незаконны и т.д., что такие мнения и вытекающие из них действия (action), равно как и прочие безразличные вещи, также имеют право на терпимость, однако лишь в той степени, в какой они не ведут к беспорядкам в государстве и не приносят обществу больше вреда, чем пользы. Ибо, за исключением тех из них, которые явно направлены на разрушение человеческого общества, все эти мнения являются либо безразличными, либо неясно какими, и притом правитель и подданный, каждый по-своему, грешат ими, а потому первый должен вникать в них лишь настолько, насколько его законы и вмешательство в такие мнения могут способствовать благополучию и безопасности народа. Однако ни одно из таких мнений не имеет права на терпимость на том основании, что оно якобы есть дело совести и кто-то убеждён, будто придерживаться его либо грех, либо долг; ведь совесть или убеждённость подданного едва ли может быть мерилom, по которому правитель может или должен отмерять законы, каковые должны соответствовать благу всех его подданных, а не убеждениям

их части, ибо, зачастую находясь в противоречии одно с другим, они необходимо порождали бы противоречивые законы; а поскольку ничего безразличного, на что бы не посовестился бы посягнуть тот или иной, просто нет, терпимость к людям во всём, чему они, как они утверждают, по совести не могут покориться, приведёт к исчезновению всех гражданских законов и всякой власти правителя, так что если вы будете отрицать полномочия правителя по отношению к безразличным вещам, над которыми он, как признано всеми сторонами, обладает юрисдикцией, то есть останетесь без закона и правительства.

И я думаю, все легко согласятся, что создание законов в иных целях, кроме обеспечения безопасности правительства и защиты жизни, имущества и свобод народа, т.е. сохранения целостности, заслужит наисуровейший приговор на великом судилище не только потому, что злоупотребление властью и доверием, которыми обладает законодатель, наносит человечеству, для чего блага единственно и учреждены правительства, более сильный и непоправимый вред, чем что-либо ещё, но также потому, что здесь он не подотчетен никакому суду...

Если этими мнениями и законами и принуждением правитель попытается ограничить свободу людей или приневолить их к тому, что противно искренним убеждениям их совести, они должны делать то, что требует от них совесть, насколько могут без насилия, но притом одновременно обязаны спокойно подчиниться наказанию, какое закон налагает за подобное неповиновение, так как посредством этого они обеспечивают себе благодать на том свете и не нарушают спокойствия этого мира, не согрешают против верности богу и королю, но обоим отдают должное, ибо и правитель, и они сами одинаково заинтересованы в своей безопасности.

III. ... Ибо будь общества способны прожить, а люди — наслаждаться миром и безопасностью без того, чтобы эти обязанности вменялись велениями и карами закона, то законодателю безусловно не пришлось бы предписывать

их какими-либо правилами, так как он мог бы оставить исполнение этих обязанностей целиком на волю и совесть своего народа...

Правитель не имеет ничего общего с благом человеческих душ или с заботами людей в иной жизни, но возведён в сан и облечён властью только для того, чтобы люди спокойно и удобно жили друг с другом в обществе, чему уже приведено достаточно доказательств.

Каким образом Дж. Локк обосновывает свободу совести?